

//////////

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ ИСТОРИИ

//////////

////////////////

ЭЛЬВИРА БАРЯКИНА

////////////////

**КНЯЗЬ
СОВЕТСКИЙ**

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б24

Оформление серии *Петра Петрова*

Барякина, Эльвира Валерьевна.
Б24 Князь советский / Эльвира Барякина. – Москва :
Издательство «Э», 2016. – 544 с. – (Унесенные ве-
тром истории).

ISBN 978-5-699-86157-6

Белоэмигрант Клим Рогов, выдав себя за американца, при-
езжает в Москву в октябре 1927 года, чтобы разыскать и спасти
любимую – жену Нину. Устроившись корреспондентом новостно-
го агентства United Press, Клим неожиданно становится советским
аристократом – после уничтожения русской элиты ее место в
СССР занимают партийные чиновники и... иностранные журна-
листы. Его жена – красавица Нина – бежит из китайского плена,
попадает в руки к большевикам. На долю Нины и Клина выпадает
немало испытаний. Смогут ли они остаться вместе вопреки всем
препонам времени и обстоятельств?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86157-6

© Барякина Э., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

• Пролог •

1

Климу Рогову, неблагодарному мерзавцу, которого я зря пригрел на своей груди.

От Фернандо Хосе Бурбано, его начальника и хозяина этой чертовой радиостанции, пропади она пропадом!

По поводу твоего подлого увольнения по собственному желанию.

28 сентября 1927 г.

г. Шанхай, Китайская Республика

Примечание секретаря-машинистки О. Харпер: Извините, Клим, я печатаю то, что диктует босс.

Неблагодарный мерзавец!

Ты не имеешь права увольняться с моей замечательной радиостанции и ехать к черту на рога, то есть в Советскую Россию! Ты наш лучший ведущий, и без тебя у нас будут большие проблемы с рекламой, а мы только что заключили контракт с ребятами, которые производят таблетки «Успокоин». Я обещал, что ты сделаешь им конфетку, а вместо этого ты сделал ноги, за что я тебя ненавижу и проклинаю, чтоб ты пропал!

Учти, что назад я тебя не приму, даже если ты приползешь на брюхе и будешь просить прощения целый год.

Объясни мне, какого черта тебе надо в твоей сумасшедшей стране? Ведь ты едва уехал оттуда после революции! Ведь там правят большевики, которые не чтут Бога и отбирают частную собственность у добрых коммерсантов!

Если ты просто сбрендил, купи себе «Успокоин» — ребята дадут тебе скидку по знакомству. А если ты сознательно дуришь, то, надеюсь, большевики повесят тебя на ближайшей осине.

Твой друг Фернандо

2

Моему начальнику, другу и хозяину этой чертовой радиостанции Фернандо Хосе Бурбано

От неблагодарного мерзавца Клима Рогова

По поводу моего увольнения

29 сентября 1927 г.

г. Шанхай, Китайская Республика

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Дружище, не сердись на меня: я просто делаю то, что должен.

Моя жена попала в беду: большевики вывезли ее в СССР, и ей там грозит смертельная опасность. Я доподлинно знаю, что советская политическая полиция, ОГПУ, хватает вернувшихся на родину бело-

гвардейцев и отправляет их в лагеря где-то далеко на севере. Чекистов не интересует, виноват человек или нет — они «нейтрализуют» его на всякий случай, так что я должен попытаться спасти Нину.

Мне наперед известно, что ты скажешь: «Такие дамочки приносят мужчинам одни несчастья». Безусловно, ты прав: возвращаясь в Советскую Россию, я сам рискую попасть в лапы ОГПУ — ведь я такой же белогвардейский эмигрант, как и моя супруга. И даже если я верну ее, я не надеюсь на мирную семейную жизнь — Нина с ее страстной душой и напористым характером не приспособлена к этому.

Как бы объяснить, чтобы ты все понял и не обижался на меня?

Допустим, ты решил привести свой особняк в приличный вид и вложил в эту затею десять тысяч. Грузчики привезли театральную люстру на цепях и оставили ее в вестибюле — в разобранном виде; рабочие вырыли котлован для бассейна, и теперь у тебя на заднем дворе громадная яма, на дне которой стоит дождевая вода и разводятся комары. Рам в окнах нет, камин не работает, и вот уже полгода ты ужинаешь не дома, а по ресторанам и друзьям — потому что в твоей кухне и столовой все разворочено.

Бросишь ты свою затею? Нет, конечно! Ты зашел слишком далеко и уже не в состоянии повернуть назад. К тому же перед твоими глазами стоит дом твоей мечты — и тебе отчаянно хочется жить именно там.

Нечто подобное испытываю и я. Мы познакомились с Ниной десять лет назад, в 1917 году, когда я приехал в Нижний Новгород за папенькиным наследством. Всю свою взрослую жизнь я прожил

за границей и чувствовал себя молодым и талантливым избранником богов — ты можешь мне не верить, но я считался одним из лучших журналистов в Аргентине. А потом оказалось, что я еще и богат, как падишах, — отец оставил мне приличное состояние.

И вот представь: я пожертвовал всем, что у меня было, ради прекрасных Нининых глаз. Когда большевики взяли власть в России, все советовали мне вернуться в Буэнос-Айрес, но я решил, что моя любовь важнее и денег, и журналистской славы. Я не мог взять Нину с собой — ей не давали визу, и мне пришлось остаться в стране, в которой полыхала гражданская война. И хоть я потерял состояние и аргентинский паспорт, нажил немало шрамов и посмотрелся на такое, что и в страшном сне не привидится, я ни о чем не жалею.

Мне досталась роскошная, единственная в своем роде женщина, ради которой стоит лезть к черту в зубы. Рядом с ней я чувствую себя живым.

У каждого свои сокровища, Фернандо. Ты готов рисковать ради прибыли, а мне просто лень добывать золото или создавать торговые империи. Если я что-то делаю, то ради своей жены и маленькой дочки. Извини, вот такой у меня недостаток.

Пожалуйста, не отговаривай меня. Да, мы с Ниной разругались в пух и прах; да, наши отношения зашли в тупик и я не вижу из него выхода. Но мне уже поздно идти на попятную.

*Твой друг, соратник и сотрудник,
Клим Rogov*

Климу Рогову

От Фернандо Хосе Бурбано

По поводу твоей... объяснительной записки

29 сентября 1927 г.

г. Шанхай, Китайская Республика

Примечание секретаря-машинистки О. Харпер:
Там, где стоят отточия, мистер Бурбано выражался
нецензурно. Извините, если что не так.

Катись к чертовой матери, ты..., ..., чтоб тебя...!

Слушай, если ты вернешься живым из СССР, давай сделаем радиоспектакль по мотивам твоих походов! Публике, наверное, понравится. Если ребята, которые делают «Успокоин», к тому времени не разорятся, мы привлечем их в качестве рекламодателей.

Ты будешь рассказывать, как за тобой гонялись... большевики, а во время рекламных пауз посоветуешь слушателям принимать таблетки от нервов.

В общем, записывай все, что с тобой будет происходить, а если тебя там начнут убивать, ты выкрой минутку и отправь свои рассказыки нам, а мы пустим их в эфир.

Если тебе потребуется заупокойная служба, телеграфируй. Ты хоть и не католик, а православный..., я за тебя помолюсь и сделаю все, как надо.

Твой друг Фернандо

• 1 •

ПОБЕГ ИЗ КИТАЯ

Окно в комнате, которую занимала Нина Купина, было забрано тонкими красными рейками, сложенными в затейливый узор. Когда-то тут жила супруга важного китайского чиновника, и деревянное кружево на ее окне служило символом успеха и процветания.

1

Но для Нины это был символ тюремной решетки. С тех пор, как большевики привезли ее сюда, ей не разрешали выходить за пределы усадьбы, и вот уже два месяца, как ее мир сузился до внутреннего двора с заросшим прудом и высокой каменной стеной.

Официально здесь жил ученый-востоковед; неофициально это была штаб-квартира советской агентуры, присланной в Пекин для организации восстания рабочих и создания нового очага Мировой революции.

Несмотря на ранний час, вся усадьба была на ногах. Взад-вперед бегали сотрудники; на земле, посреди луж, валялись забытые вещи и бумаги.

Нина в тревоге разглядывала автомобили, стоявшие у ворот: дверцы их были распахнуты, и девчонки-стенографистки торопливо пихали внутрь узлы и чемоданы.

Значит, это было правдой: из Москвы пришел приказ об эвакуации.

С утра стояла влажная жара, но Нину сотрясал озноб. Если большевики уедут, что станется с нею? Она страстно надеялась, что они ее отпустят или попросту забудут о ней — и тогда она сможет разбить красную решетку на окне и выбраться отсюда.

В последнее время советские работники жили как на пороховой бочке: революция в Китае не задалась, советское полпредство было разгромлено, а местных коммунистов казнили без суда и следствия. Их отрубленные головы выставляли на городских площадях — в назидание народу.

К августу 1927 года стало окончательно ясно, что дело проиграно. Большие города контролировали белые колонизаторы и местные бандиты-генералы, а нищие крестьяне интересовались делом социализма не больше, чем погодой в Австралии.

Москва потратила огромные средства на пропаганду и гражданскую войну в Китае, и поражение на Дальнем Востоке означало для советского правительства крушение всех надежд. Кто-то должен был ответить за случившуюся катастрофу, и агенты, работавшие в Пекине, оказались зажатыми между двух огней: с одной стороны, их поджидали китайские полицейские с кривыми мечами, а с другой — строгие товарищи по партии.

Что и говорить — возвращаться в СССР было страшно.

На крыльцо вышел Борисов, инструктор по партийной работе, и Нина невольно вздрогнула. Напиваясь, этот негодяй всегда ломился к ней в комнату: «Давай займемся классовый борьбой!», и она спасалась только тем, что устраивала у двери баррикаду из мебели.

К Борису подбежали какие-то люди, и они вместе принялись разглядывать разложенную на капоте карту.

«Лишь бы обо мне не вспомнили!» — молилась про себя Нина.

Полгода назад она случайно оказалась на одном пароходе с советскими агентами и вместе с ними угодила под арест. Китайские власти не стали разбираться, кто из них красный, а кто белый — все русские были для них на одно лицо, и их скопом отвезли на суд в Пекин. От казни их спасло только то, что большевики дали судье огромную взятку, и тот выпустил подсудимых из-под стражи.

Но из одной тюрьмы Нина попала в другую: пекинский правитель объявил охоту на продажного судью и русских заговорщиков, и им пришлось скрываться в старой усадьбе на окраине столицы. Одного за другим Нининых «подельников» вывезли в СССР; обитатели дома несколько раз сменились, а она все сидела в своей комнате и ждала, пока неведомые начальники решат ее участь.

Сколько раз Нина просила Борисова отпустить ее домой!

— У меня в Шанхае остались муж и маленький ребенок.

Но разжалобить его было невозможно. Он знал, что Нина удочерила китайского найденьша, и не верил, что она могла всерьез привязаться к своей Китти. А что до мужа — Борисов лишь смеялся над Ниной:

— Знаем мы вас, шлюх белогвардейских! Приехала в Китай, честно трудиться неохота, вот и продавалась какой-нибудь империалистической сволочи.

Если бы ему рассказали, что Нина владела крупным охранным агентством и под ее началом служило больше сотни вооруженных белогвардейцев, он бы сам поставил ее к стенке. Это в глазах русских иммигрантов она сделала головокружительную карьеру, а большевики смотрели на ситуацию по-другому: кем могла быть дамочка, сбежавшая в Китай после революции и внезапно там разбогатевшая? Ведь такого не бывает, чтобы в капиталистической стране люди добивались успеха своим умом и трудом! К тому же Нина раздобыла для себя и Клима американские паспорта — в порядке исключения, не въезжая в страну. Ясно, что она шпионка и враг трудящихся!

Борисов поднял голову, взглянул на Нинино окно и решительно направился в дом.

У нее екнуло сердце. Что делать? Снова забаррикадироваться? А если Борисов начнет стрелять? Или — того хуже — устроит пожар? Несколько дней назад большевики говорили, что после отъезда усадьбу надо сжечь, потому что им не под силу вывезти все секретные архивы.

Борисов ввалился в комнату и схватил Нину за руку:

— Ты едешь с нами.

— Куда?! — ахнула Нина.

— В Советский Союз. Будешь перековываться из буржуйки в трудовую единицу.

Она рванулась, но на помощь Борису примчались двое охранников. Вытащив Нину из дома, они затолкали ее на заднее сиденье автомобиля.

Борисов привалился рядом и поднес к ее лицу кулак в синюшных наколках.

— Только пикни, стерва! Убью!

Маленькая кавалькада выехала из Пекина в середине августа и несколько недель кружила по проселочным дорогам, пытаясь сбить со следа полицию.

Все это время большевики не спускали с Нины глаз. Добиться от них сочувствия было невозможно: усталые и нервные, они срывали зло друг на друге и на любом, кто попадался под руку. Для них «отпустить Нину» означало «подарить белогвардейской дамочке шанс на спасение» — а она явно этого не заслуживала.

Когда они добрались до Внутренней Монголии, к ним присоединились несколько машин с китайскими коммунистами и их русскими советниками. Те нагнали на беглецов еще больше страху, рассказав, что в Москве началась грызня между высшими партийными деятелями.

Иосиф Сталин, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), неожиданно стал набирать силу и обвинил во внешнеполитической катастрофе не кого-нибудь, а самого Льва Троцкого — одного из главных организаторов Октябрьского переворота и создателя Красной Армии. Его сторонников в открытую называли контрреволюционерами и травили в печати. Это был плохой знак: советские агенты, работавшие в Пекине, почти поголовно были троцкистами.

Нина слушала эти разговоры с содроганием: если правоверные большевики всерьез опасались за свою судьбу, что могло ждать ее? Впрочем, она могла вовсе не добраться до Советской России: Борисов несколько не скрывал, что собирается «проучить» ее. Он купил на деревенском базаре хлыст, сделан-

ный из тонких и длинных металлических звеньев, и пообещал Нине, что скоро опробует на ней свое приобретение.

Великая пустыня Гоби начиналась за грядой невысоких гор, и перебравшись через нее, кавалькада покатила по каменистому бездорожью. Одна из машин заглохла, и пока ее чинили, спустилась ночь. Впервые после отъезда из Пекина беглецы позволили себе немного расслабиться. У Борисова в багаже имелась рисовая водка, и его фляга пошла по кругу.

Нина поняла, что это ее единственный шанс на побег: они не успели уехать далеко от последней китайской деревни.

Пока разомлевшие революционеры сидели у костра и вспоминали свое китайское житье-бытье, Нина торопливо собрала вещи. Она взяла с собой только компас, одеяло, сухари и флягу с водой. Брать больше не имело смысла: если она заблудится, то все равно погибнет.

Нина старалась не думать, что с ней будет, когда она доберется до китайцев. Она не знала их языка, документов у нее не было, а послать весточку в Шанхай было невозможно — ближайший телеграф находился за сотню миль. Но лучше уж сгинуть в глухой китайской провинции, чем попасть в лапы Борисову.

Захмелевшие большевики один за другим разбрелись по палаткам, и когда небо над холмами начало светлеть, Нина потихоньку выбралась из лагеря.

В сизом сумраке почти ничего не было видно, и она ориентировалась по звездам, шагая по плоской, усеянной мелкими камешками равнине.